

В.А.Разумов, М.Г.Пономарева

СТРУКТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА МОЛИТВЫ ЕФРЕМА СИРИНА И ИХ СВЯЗЬ С ЖЕСТОМ КРЕСТНОГО ЗНАМЕНИЯ

Рассматриваются структурные принципы организации текста покаянной молитвы Ефрема Сирина. С опорой на концепцию святых отцов антиохийской Церкви выводятся такие господствующие принципы, как принцип двоичности, разнонаправленности, полярности и троичности. На основе выделенных принципов проводятся соответствия с организацией жеста крестного знамения.

Ключевые слова: Ефрем Сирин, молитва, крестное знамение, структура, добродетель, порок

Христианский богослов, поэт и учитель Антиохийской церкви IV века Преподобный Ефрем Сирин — один из самых загадочных представителей сирийской патрологии.

Ему приписывают текст великопостной покаянной молитвы «Господи и владыка живота моего».

В статье рассматриваются структурные принципы организации текста молитвы и связь этих принципов с жестом крестного знамения. Актуальность исследования определяется нарастающей степенью активности современного религиозного дискурса. Эта активность проявляется, в частности, в усилении взаимодействия экзегетики с различными областями гуманитарного знания. Новизна исследования состоит в том, что никогда ранее текст этой молитвы не рассматривался с точки зрения структурного подхода. Не рассматривались интермедиальные связи данного текста с другими знаковыми системами.

Методологической базой данного исследования является метод структурного анализа текста структурно-семиотической школы. Данный метод представляется нам самым удобным для филологического анализа выбранного текста, т.к. в структуре данного текста легко вычленишь организующие его элементы и установить взаимоотношения между ними.

В исследовании осуществлен поиск интермедиальных связей. Здесь нас будет интересовать связь молитвенного текста и жеста. На основе выделенных в процессе структурного анализа текста элементов и принципов взаимоотношений между ними производится поиск соответствующих принципов структурной организации элементов жеста крестного знамения. Нам представляется целесообразным поиск общих принципов организации в различных знаковых системах, т.к. эти системы развиваются в рамках одних и тех же религиозных практик.

Структурный подход обычно применяется к художественному произведению и на этом основании может быть применен к молитвенному тексту, как к прямому предшественнику лирики, на что указывает исследователь В.А.Мишланов: «...молитва и есть одно из древнейших поэтических творений лирическая поэзия опирается на молитву как на один из основных её прототипов» [1, с. 291].

Текст молитвы по смерти автора продолжает изменяться в процессе становления религиозного дискурса, а потому мы, по большей части, будем рассматривать в настоящей работе вариант текста, актуальный на сегодняшний день.

Традиционная «схема» молитвенного текста в религиозной практике христианина выстраивается в соответствии с молитвой «Отче наш», которую условно можно разделить на части: обращение, восхваление, группа прошений с просьбой «дать» и группа прошений с просьбой «избавить». Эта схема не является непреложной, но дана Христом ученикам как пример. Потому возможно переосмысление данной схемы, к чему и прибегает Преподобный Ефрем, создавая свой текст.

Ниже приведен текст молитвы Ефрема Сирина, расчлененный на части согласно трем группам прошений:

Прошения с просьбой «избавить»: *Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми.*

Прошения с просьбой «дать»: *Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему.*

Особая группа прошений: *Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.*

В тексте можно выявить несколько структурных принципов: полярности (мы не используем термин «бинарные оппозиции», так как он подразумевает отношения противопоставленности, которые не всегда заявлены в тексте), располагающий к нему принцип двойственности (выделяем его отдельно, т.к. он не всегда подразумевает полярность) это принцип, согласно которому, каждая группа структурных элементов кратна двум по количеству, разнонаправленности, так, каждая группа пороков или добродетелей, обозначенных в молитве либо направлена вовнутрь человеческого микрокосма, либо эксплицируется из него. Выделяем в тексте и принцип троичности, т.к. в более общем плане текст структурно делится на три части. Кроме того, выделяем прогрессивный принцип. Эти принципы встречаются в тексте как обособленно, так и совместно.

О полярности, двоичности и разнонаправленности. В первом прошении можно выделить четыре пункта, в соответствии с обозначенными пороками: праздность, уныние, любоначалие и празднословие.

Обращает на себя внимание не только наличие 4 «пунктов», что кратно двум по принципу двоичности, но и полярность этих пунктов по отношению друг ко другу: первые два порока в силу своей разнонаправленности оказываются противоположны вторым двум. Праздность и уныние направлены вовнутрь человека. Греша ими, человек негативно воздействует на свой микрокосм, ничего при этом не эксплицируя, тогда как любоначалие и празднословие имеют направленность вовне, греша ими, человек направлен на другое лицо или объект. Интересно что эффект как от празднословия, так и от уныния одинаков — чувство пустоты, что отмечают отцы церкви, на которых ссылается Максим Исповедник: «Из-за четырех вещей душа становится пустой: из-за нехранения молчания, любви к развлечениям, желания материального и скупости» [2, с. 190].

Необходимо упомянуть, что равновесие (два вовне и два внутри) этих пунктов соблюдено только в этом варианте текста. В греческом и старообрядческом (сирийский оригинал не сохранился) текстах господствующие принципы двоичности и полярности сохраняются, но нарушается равновесие категорий или происходит их подмена. Так, в греческом тексте, вместо лексемы «уныние» стоит лексема **ἡ περιεργία** (periergia) — «излишний труд», «многоделание». Этот порок оказывается полярным по отношению к первому — праздности, — с которым они, к тому же, оказываются разнонаправлены. Первое слово в списке грехов — **ἡ ἀργία** (argia) — «праздность», «лень». Оно образовано от отрицательной приставки **ἀ-** и древнегреческого слова **τόργον** (ergon) — «дело», «работа», «труд». А второе греческое слово — **περιεργία** — образовано от того же слова **τόργον** и приставки **περι-** со значением «сверх», «чрезмерно». То есть по-гречески первые слова буквально звучат как «не дай мне духа безделья, многоделания...».

В дониконовском тексте происходит замещение лексемы «любоначалие» лексемой «сребролюбие»: «Связано это, вероятно, с тем, что древнегреческие слова **ἡ φιλαρχία** (philarhia) — “властолюбие”, “желание первенствовать” и **ἡ φιλαργυρία** (philarguria) — сребролюбие — очень похожи. Старообрядцы выбрали тот греческий текст, где стояла **ἡ φιλαργυρία**. Такой выбор объясняется социальной принадлежностью широкого круга старообрядцев, которые, будучи купцами, предавали сребролюбию особое значение. Нам интересен тот факт, что, изменяясь в процессе становления религиозного дискурса, молитва продолжает сохранять свои основные принципы. Даже в пределах старообрядческого текста можно обнаружить обозначенную разнонаправленность, т.к. и сребролюбие, и празднословие остаются парой направленных вовне пороков (сребролюбие на объект, празднословие на собеседника), тогда как первая пара имеет направленность вовнутрь».

Грехи за счет своей полярности нарушают целостность микрокосма. В этом плане закономерно следующее прошение — о целомудрии, т.е. духовной целостности. О целомудрии в этом значении говорит Максим Исповедник, ссылаясь на письмо Ямвлиха «О целомудрии»: «Ибо как же целомудрие нас не делает совершенными, когда все несовершенное и страстное изгоняет прочь от нас?» [2, с. 37]. Без целостности невозможно приобретение того, что будет испрашиваться во втором прошении далее.

Здесь тоже две пары пунктов. Первая пара — целомудрие и смиренномудрие — направлена вовнутрь, о чем читаем у преподобного Ефрема: «Через это [целомудрие — В.Р.] <...> снисходите сами к себе...» [3, с. 231]; вторая — терпение и любовь — вовне, на ближнего. «В ком любовь, — пишет преподобный, — тот <...> не презирает брата в нужде, но заступается и готов умереть за него» [3, с. 85-86] и ещё: «Терпеливый <...> в обращении привлекателен, в общежитии с братством приятен, в совещаниях сладок...» [3, с. 88-89]. При этом, смиренномудрие, в определенном плане, полярно любви по степени охвата: первое — узкая, практически приложимая добродетель, тогда как вторая — широкая и всеобъемлющая. Кроме того, терпение и любовь тоже в какой-то степени полярны, ведь терпение — первый шаг на пути взаимоотношений с ближним, а любовь — последний. О первоначальности терпения Ефрем Сирин пишет так: «Терпение одно не бывает <...> Терпеливый достигает всякой добродетели» [3, с. 88]. В труде Исаака Сирина «Слова подвижнические» находим указание на непосредственную связь всех трех добродетелей: «Ибо по мере *смиренномудрия* дается тебе *терпение* в бедствиях твоих, а по мере терпения облегчается *скорбей* твоих. И приемлешь утешение; по мере же утешения твоего увеличивается *любовь* твоя к Богу; и по мере любви твоей увеличивается радость твоя о Духе Святом» — таким образом, в христианской картине мира находим осмысление представленных добродетелей в качестве ступеней духовного развития. Здесь мы видим проявление прогрессивного принципа организации текста.

Обращает на себя внимание также, что по крайней мере первая пара добродетелей явно нейтрализует обозначенные в первом прошении пороки: целомудрие избавляет от праздности и празднословия. Вот как пишет святитель Иоанн Златоуст об антонимичности этих категорий: «...он [нецеломудренный — В.Р.] далеко уклонился от свойственной христианам свободы и сделался неспособным ни к какому великому делу» [2, с. 34-35]. Смиренномудрие в свою очередь избавляет от любоначалия и уныния, о чем пишет Максим Исповедник: «Училище смиренномудрия заключается в пребывании в самых ничтожных обстоятельствах, так как это исцеляет страсть славолубия» [2, с. 310].

Те же принципы содержатся в третьем прошении, которое, с точки зрения структуры, можно трактовать двойко. Если говорить о том, что «первый пункт» — «даруй ми зрети моя прегрешения» — соответствует прошениям второй группы (прошения с просьбой «дать»), а «второй пункт» — «не осуждати брата моего» — соответствует прошениям первой группы (прошения с просьбой «избавить»), то третья группа прошений

уравновешивает две предшествующие. Однако если отталкиваться от лексической формулировки: «...даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего...» — то как таковое прошение об избавлении отсутствует, следовательно, в тексте прошения с «дать» преобладают. Баланс, присутствующий до этого, оказывается нарушен. Причина, вероятнее всего, заключается в соотношении членения текста молитвы с членением текста Священного Писания на Ветхий и Новый Заветы. Ветхий Завет, как правило, соотносится с запретами (не убей, не укради, не прелюбодействуй и т.д.), соответственно — нет любоначалию, празднословию и т.д. Новый же Завет с возможностями. Кроме того, Христос исполнил (то есть выполнил и дополнил) закон: « Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5:17). Этим может объясняться преобладание в тексте молитвы прошений с «дать» над прошениями с «избавить». Однако мы не считаем это заявление бесспорным.

О Троичности. Сама молитва содержит три просительные части. Они выстроены по восходящей. В первой части молящийся просит, чтобы Господь не давал скверного, во второй — чтобы дал благое, а в третьей помог не подпасть под скверное вновь. От прошения к прошению возрастает волевая компонента молящегося: «даруй мне зрети моя прегрешения». Кроме того, троичности отвечает троекратное указание на Бога как на Владыку и Царя, причем, во втором прошении это указание подспудно заявлено в обозначении себя как раба.

В определенной степени можно говорить, что каждое прошение может быть соотносено с конкретной ипостасью Троицы. Уже обозначено, что первая часть соотносится с Ветхим Заветом, где основной действующей ипостасью Троицы является Бог Отец. Вторая часть соотносится с Новым Заветом, где действует воплощенный Бог Сын — Иисус Христос. В третьей же части Господь обозначен через номинацию «Царь», как в молитве святому Духу — Третьей ипостаси Троицы. Обращает на себя внимание то, что та же номинация употреблена в «последовании на сон грядущим» в одной из молитв Святому Духу, автором которой, также является Ефрем Сирийский.

Итак, среди структурных принципов организации текста выделяем принципы: двоичности, полярности, разнонаправленности, троичности и прогрессивный принцип.

В большинстве своем это те же самые принципы, которые можно наблюдать в структуре жеста крестного знамения.

Связи эти так же, как и дошедшие до нас варианты текста и жеста складывались постепенно в процессе становления религиозного дискурса, и в наиболее полной мере проявились в настоящее время.

Двоичность и полярность можно проследить в следующих элементах жеста: два сложенных перста в знак двух, казалось бы, полярных сущностей Христа: Божественной и человеческой; наличие двух «групп» сложенных пальцев — по два и по три.

Разнонаправленность жеста прослеживается в том, что два пальца согнуты вовнутрь, три — направлены наружу. Примечательно, что в молитве прошения Богу (их три) имеют внешнюю направленность (постольку, поскольку есть Адресат), а содержание этих прошений всегда кратно двум.

Принцип троичности также отражен в троеперстии во знамение Святой Троицы.

Крестное знамение всегда сопровождалось упоминанием каждой из ипостасей Троицы в последовательности: Отец, Сын и Святой Дух, что само по себе предопределяло становление интермедальных связей текста молитвы и жеста, которые с усложнением последнего лишь нарастали.

Таким образом, проявляется влияние христианских догматов на составление различных молитвенных практик, в частности, на установление связей меж практикой словесной и телесной молитв, посредством их прямой обусловленности догматами о природе греха, добродетели и о божественной природе. Другими словами, развитие догматики прямым образом влияет не только на исходную структуру текста и жеста, но и на изменение их облика в процессе становления религиозного дискурса.

1. Мишланов В.А. Молитва как речевой жанр // Прямая и непрямая коммуникация: сб. научных статей. Саратов: Колледж, 2003. С. 290-302.
2. «Богословские главы» прп. Максима Исповедника, или «Пчела» / Вступ. статья, перевод, послесловие и примеч. И.К.Доброцветова. М.: Никея, 2013. 607с.
3. Сирийский Е. Свят. Творения. Т. I. М.: Русский издательский центр имени Святого Василия Великого; Русский Паломник, 2014. 480 с.

References

1. Mishlanov V.A. Molitva kak rechevoy zhanr [Prayer as a speech genre]. Coll. of papers "Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya". Saratov, 2003, pp. 290-302.
2. "Bogoslovskie glavy" prp. Maksima Ispovednika. ili "Pchela" ["Theological chapters" by Maxim the Confessor, or "Pchela"]. Moscow, 2013. 607 p.
3. Sirin E. Svyat. Tvoreniya, vol. I [Works]. Moscow, 2014. 480 p.

Razumov V.A., Ponomareva M.G. The structural principles of the organization of the text of the Penitential Prayer of Saint Ephrem and its correspondences with the organization of the gesture of The Sign of the Cross. The article considers the structural principles of the organization of the text of the Penitential Prayer of Saint Ephrem. Based on the concept of the holy fathers of the Antiochian Orthodox Church, such dominant principles as the principle of duality, multidirectionality, polarity and trinity are identified.

Keywords: Ephrem the Syrian, prayer, The Sign of the Cross, structure, virtue, vice.

Сведения об авторах. Василий Алексеевич Разумов — студент факультета филологии и коммуникации Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова (Ярославль, Россия), razoom-off@mail.ru; Маргарита Гелиевна Пономарева — кандидат филол. наук, занимает доцент кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К.Д.Ушинского; mgstepanova@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.